

МОНАСТЫРЬ
С. КОЛУМБА,
или
РЫЦАРЬ
КРАСНАГО ОРУЖІЯ.

Сочиненіе Радклифъ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА, 1816.

Въ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по опечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. *Н о.* Профессоръ *Василій Котельницкій.*

МОНАСТЫРЬ С. КОЛУМБА.

~~~~~

ГЛАВА I.

Напрасно искалъ я имъ че-
тыре года. Уставши
отъ безполезныхъ успѣ-
дй, наскучивъ спраною,
снелъ парубною для меня и
дру. ей моимъ я рѣшился воз-
вратиться опять въ Шот-
ландію, побуждаемый на-
деждою, что Богъ и радишь
наконецъ все терпѣніе и воз-
вратитъ васъ, любезный
Авинцо, въ мои объятія, не
смотря на многіе признаки,
заставлявшіе почищать васъ
умершимъ.

„Скоро исполнилъ я свое намѣреніе; но послѣ многихъ продолжительныхъ и безплодныхъ поисковъ принужденъ былъ оставить всякую надежду. Столько печалей, безпокойствъ и трудностей повредили мое здоровье. Свѣтъ и самая жизнь не имѣли для меня прелестей. Я прибѣгнулъ къ вѣрѣ: она одна могла вернуть мнѣ спокойствіе души, разрушенное произшествіями безпокойной жизни и горестными воспоминаніями. Желая провести остальные дни моей жизни въ мирной невѣстности, и какъ новое сіе намѣреніе внушало въ меня одно благочестіе, по я не хотѣлъ пользоваться духовными почестями, на копорыя имѣлъ право по происхожденію моему и званію. Я желалъ остатокъ дней моихъ провести въ какомъ ни есть

уединенномъ монастырѣ, удаленномъ отъ мѣстъ, гдѣ я жилъ, и бытъ тамъ въ совершенной неизвѣстности. Монастырь Святаго Колумба, казалось, совершенно согласовался съ моими желаніями; я посвиргся въ ономъ, переимѣнивъ имя свое на отца Алфонсія.

„Нѣсколько лѣтъ жилъ я въ немъ спокойно и щасливо, занимаясь единственно вѣрою и исполненіемъ обязанности оной. Смерть Наспоятеля и прибытіе заступившаго мѣсто его Гондеца произвели въ немъ великія перемены. Я скоро примѣнилъ безпорядки, возникшіе въ обществѣ; а скрытное поведеніе новаго Наспоятеля наиболѣе возбудило мое подозрѣніе. Въ это время Губерно съ Королемъ и поварищами оружія прибыли въ сей монастырь.

Я примѣшилъ васъ между ими. Вниманіе, съ какимъ разсма-
тривали вы меня въ первый
разъ во время службы, такъ
же не избѣгло моихъ взоровъ.
Мнѣ казалось, что нахожу въ
чертахъ лица вашего нѣко-
торое сходство съ другомъ
моего юношества, Герцогомъ
Гонзари; но имя Сиръ Эдре-
да Макардена, принятое вами
по желанію Короля, не допу-
скало меня проникнуть шай-
ну, которую желалъ я от-
крыть.

„Мнѣ не трудно было у-
знать злыя намѣренія Гонде-
ца; тогда рѣшился я увѣдо-
мить васъ о предстоящей
опасности и облегчить вамъ
съ поварницами выходъ изъ
монастыря, въ которомъ,
какъ я видѣлъ, были вы за-
ключены. Ни мало не коле-
блясь, началъ я присматри-
вать за поступками Гон-

деца и Джона Думбара, котор-
 рый, какъ вы знаете, былъ
 тогда его повѣреннымъ. Я дѣ-
 лалъ сіе со всевозможною
 оспорожностію. Нашедши
 нечаянно попаенный выходъ
 изъ подземельевъ, спарался я
 найти случай показати вамъ
 оный. Днемъ не могъ я гово-
 рить съ вами, пошому что
 за нами присматривали. На-
 конецъ ночью нашель я васъ
 въ церкви. Нѣсколько словъ,
 произнесенныхъ мною возвы-
 шеннымъ голосомъ, послѣ ко-
 торыхъ спѣшилъ я скрыпсся,
 были достапочны къ произ-
 веденію въ васъ нужнаго спра-
 ха и предоспереженію олъ
 поставленныхъ вамъ сѣней.
 Чрезъ двѣ ночи послѣ того
 вошелъ я въ комнату вашу и
 провель въ молчаніи попаен-
 ными дорогами къ опкрышо-
 му мною выходу, послужив-
 шему къ вашему бѣгству. Я

благодаренъ былъ послѣ самъ себѣ, что выбралъ васъ для сего важнаго открытія. Рѣдкое благоразуміе ваше довершило мое намѣреніе.

„По отъѣздѣ нашемъ я радовался бѣшенству Гондеца и съ удовольствіемъ замѣнилъ, что подозрѣнія его падали на Джона Думбара, и что взаимное ихъ несогласіе возраспало со дня на день.

„Однакожь послѣдній старался тайно со мною сблизиться. Ненависть и презрѣніе къ Гондецу заставляли его страшиться его мщенія. Я ничего не опусшилъ для утвержденія его въ семъ расположеніи и для возбужденія въ душѣ его раскаянія, обращавшаго его мало по малу къ религіи и добродѣтели. Онъ открылъ мнѣ гнусное поведеніе Гондеца и некомпорья его преснуиленія и обѣщаль сдѣ-

лашь еще важнѣйшія откры-
 шія, какъ вдругъ возвѣспили
 скоропостижную смерть его
 и похоронили даже съ обы-
 кновенными обрядами. Но ме-
 ня не лъзя было обмануть.
 Я не сомнѣвался, что Гондецъ,
 начинавшій въ свою очередь
 его опасаться и подозрѣвав-
 шій связь нашу, поспѣшилъ
 погубить его. Впрочемъ я
 рѣшился объяснить подозрѣ-
 нія свои и пошелъ въ погре-
 бальныя подземелья для осви-
 дѣтельствованія тѣла Думба-
 рова. вмѣсто его нашелъ я
 пукъ соломы. Напрасно спа-
 рался узнать я, что съ нимъ
 сдѣлали. Я заключилъ, что
 Думбаръ умеръ въ какой-ни-
 будь мрачной пещерѣ, и пред-
 видѣлъ съ тѣхъ поръ, что
 такая же участь ожидаетъ и
 меня.

„По возвращеніи моемъ
 изъ сихъ погребовъ, заспаль

я васъ, любезный Авинцо, еще разъ ночью въ церкви. Присутствіе ваше крайне меня удивило. Я не могъ отгадать причины оному, но не знаю, почему принялъ оное за благопріятное предвѣщаніе и получилъ слабую надежду. Однако я примѣнилъ, что Гондецъ сталъ подозрительнѣе и безпокойнѣе обыкновеннаго; я началъ присматривать за его движеніями и чрезвычайными приготовленіями, и весьма желая видѣть васъ и поговорить съ вами, сошелъ снова въ подземелья. Но Гондецъ, присматривавшій за мною прилѣжнѣе прежняго, велѣлъ меня схватить и запереть, рѣшась уморить медленною и голодною смертію.

„Я просилъ Бога о нужной твердости для снесенія безропотно своей участи, какъ произшедшіе вопли, кошо-

рые старались щещно удерживать, прервали меня и вывели изъ размышленія. Я увидѣль, что Гондецъ отворяетъ дверь моей пемницы и повергаетъ въ нее молодую женщину съ спрашными угрозами и бранью. Но сія любезная жертва рассказала уже вамъ о нашихъ спраданіяхъ и мукахъ, а попому нѣтъ надобности повпорять ихъ. Безъ васъ, Губерто, погибель наша былабъ неизбѣжною, и Гондецъ, можетъ быть, насладился бы плодами своихъ преступленій. Не лзя сомнѣваться, что Богъ привель васъ къ Оронцу для спасенія всѣхъ насъ отъ ярости сего изверга и для совершенія надъ нимъ Своего мщенія. Безъ сей чудесной помощи невинная женщина подверглась бы жесточайшей смерти, со мною погиблабъ тайна вашего ро-

жденія. Наслаждайтесь щасливо новымъ блескомъ, который присоединяетъ оно къ вашему достоинству и добродѣтелямъ; чувствуйте сію отличную милость Провидѣнія, сожалея о горестной участи вашихъ родителей. Я же, нашедши васъ послѣ столь долгаго опускствія и видя васъ достойнымъ ихъ, чувствую не такъ уже жгучую потерю ихъ и забываю свои бѣдствія. Всѣ мои желанія исполнились.“

При сихъ словахъ отецъ Антоній вспаль и пошелъ обнять Авинца, который и съ своей стороны прижалъ его къ груди своей. Долго были они въ объятіяхъ другъ у друга, между тѣмъ какъ Ронильда и Джонъ Думбаръ въ молчаніи смотрѣли на проташельную сію сцену. Когда первое движеніе успокомлось,

Джонъ Думбаръ, обратясь къ отцу Антонію, началъ говорить :

„Въ самомъ дѣлѣ, почтенный отецъ Антоній, открытія, обѣщанныя мною вамъ, прежде нежели Гондецъ заперъ меня въ подземельяхъ, весьма были важны; но они стали еще важнѣе послѣ слышанной мною испоріи, потому что совершенно объяснятъ испорію несчастныхъ Губертовыхъ родителей и покажутъ вамъ всѣ злодѣйства Гондеца. И такъ, отецъ Антоній и вы, Губерто, узнайте то, чего вы до сихъ поръ не знали и чего совсѣмъ не подозрѣвали; узнайте, говорю я, что подъ именемъ Гондеца скрывается злѣйшій врагъ благороднаго Герцога Гонзари, Розанны Валенцы и Графа Озимо; узнайте наконецъ, что Гондецъ есть ужас-

ный Джіованни Малдикини, достойный любимецъ Кардинала Николо Гонзари.“

При сихъ словахъ Губерто, Антоній и Ронильда вскрикнули опть удивленія, съ изумленіемъ посмопрѣли другъ на друга и, взявшись за руки, прижались другъ къ другу, какъ бы пораженные невольнымъ претепомъ:

„Справедливое Небо, продолжалъ Джонъ Думбаръ, помолчавъ нѣскольکو, предаешь вамъ наконецъ врага вашего и въ то же время средствъ къ уличенію его: ибо долге время самъ былъ я недоспойнымъ орудіемъ его пресупленій. Я хотѣлъ бы сію же минуту удовлетворить справедливому вашему нестерпѣнію и любопытству, но уже поздно, и отецъ Антоній имѣетъ нужду въ покоѣ. Впрочемъ не осмѣлюсь никогда разъ

сказывать самъ поль близкую вамъ исторію, которую въ правѣ вы опъ меня требовашь. Я слишкомъ виновень и чувствую, что заслужу вашу ненависть. Съ тѣхъ поръ какъ чрезъ помощь вашу получилъ я свободу и какъ скоро позволили мнѣ силы, я занимался начертаніемъ исторіи моихъ нещасій и просупковъ. Она есть исторія и Гондецовыхъ преступленій и послужитъ прошивъ него обвинительнымъ актомъ. Я помѣспилъ въ ней все, касающееся до нещасій благородныхъ родителей вашихъ. Я дамъ вамъ рукопись эту, которую скоро кончу. Вы прочпете ее и увидите, какое наказаніе заслуживаютъ преступленія Гондеца. Я же буду избѣгать взоровъ вашихъ: ибо видъ мой можетъ вселить въ васъ непріятныя

ко мнѣ чувствованія и раздражишь васъ пропивъ меня; буду избѣгать васъ до той минутой, въ которую явлюсь для уличенія присутствіемъ моимъ гнуснаго Гондеца и для раздѣленія, еслили надобно, наказанія за общія наши злодѣянія.

Сказавши сіе, Джонъ Думбаръ вспаль, поклонился низко и ушелъ пошупя взоры. Смущеніе и раскаяніе были на лицѣ его. Губерто и опецъ Антоній разошлись наконецъ, обнявшись снова и проводя Ронильду до самой ея комнаты.

Г Л А В А II.

Сиръ Дональдъ Фицъ-Арранъ, братъ прекрасной Ронильды, узнавши радостныя извѣстія, сообщенныя ему Губертомъ, пріѣхаль скоро

въ Эдимбургъ, неперпѣливо жедая обнявъ сесшру и друга и узнавъ ошъ нихъ подробности споль щасшливыхъ и чрезвычайныхъ происшествій. Онъ привезъ также Губерну повелѣніе Короля Роберта возвратиться скорѣе въ Эдимбургъ и привезши съ собою плѣнника. Ронильда была внѣ себя ошъ радости, увидя брата своего, и не скрывала ошъ него благодарности къ избавителю своему. Губерно, удовлетворивъ любопытству Сирь Дональда, спѣшилъ исполнить полученное имъ повелѣніе. Онъ поѣхалъ въ Эдимбургъ съ опцемъ Антоніемъ, Сирь Дональдомъ, Ронильдою. Гондеца повезли въ одно время съ ними подъ крѣпкимъ карауломъ. Черезъ день опправился Джонъ Думбаръ въ слѣдъ за ними. По прибытіи своемъ Губерно и друзья его были

приняты со всѣми знаками уваженія брашомъ Королевскимъ и всѣми вельможами. Гондеца заперли въ крѣпкую Башню.

Когда Губерто явился къ Королю, то сей оказалъ ему живѣйшую радость, называлъ нѣсколько разъ своимъ избавителемъ и хотѣлъ изуспшно узнать отъ него о причинахъ, побудившихъ его такъ скоро уѣхать изъ Шопландіи. Губерто разсказалъ ему о первомъ свиданіи своемъ съ прекрасною Ромильдою въ монастырской церкви, о произшествіяхъ, послѣдовавшихъ за симъ свиданіемъ, и просилъ о собраніи чрезвычайнаго суда для осужденія Гондеца и наказанія не только за измену его Королю и знаменитѣйшимъ его рыцарямъ въ крайне опасное время, но и за варварскіе поступки съ мо-

лодою Ронильдою, опцемъ Антониємъ и Джономъ Думбаромъ.

Пресупленія сіи были споль важны, что духовное званіе пресупника, по видимому, не могло защищипь его отъ мщенія законовъ. И такъ Король собралъ мудрыхъ и просвѣщенныхъ людей своего Государства судипь его и далъ имъ полную власть для произведенія слѣдствія и произнесенія приговора. Сверхъ того хотѣлъ онъ самъ присудствовати въ судилищѣ для удостовѣренія въ прошивности онаго.

Сирь Дональдъ съ своей стороны представилъ ко двору сестру свою, которой чрезвычайныя приключенія и почти чудесное освобожденіе возбуждали во всѣхъ учасніе и желаніе видѣть ее. Молодоспъ ея, красота и опиши-

чныя ея пріяшности превзошли всеобщее ожиданіе и возпламенили во всѣхъ непреоборимый гнѣвъ къ жестокостямъ Гондеца. Вскорѣ нѣжная спроситъ къ ней Губерта и благодарность ея къ забывшело спали всѣмъ извѣстны. Она призналась даже брату своему въ тайныхъ чувстввахъ своихъ къ своему спасителю, котораго Губерто просилъ узнать его мысли по сему предмету. Знаменитое происхожденіе Авинца, въ которомъ послѣднія произшествія не оставили никакого сомнѣнія, придало новый блескъ рѣдкимъ его качествамъ и храбрости, заслужившей ему почтеніе и дружбу Короля. Какъ бы честолюбивъ ни былъ Сиръ Дональдъ, но не могъ бы желать для своей сестры выгоднѣйшаго супружества. Довѣренность,

сдѣланная ему Авинцомъ въ любви къ ней, произвела въ немъ великую радость. Онъ сильно желалъ соединиться съ нимъ узами родства. Король, узнавши опъ него и Губерта о новыхъ намѣреніяхъ ихъ, съ удовольствіемъ согласился на желанія ихъ, и взялъ Ронильду до замужства ея подъ особенное свое покровительство.

Въ день, назначенный для начатія суда, Король и весь Дворъ его собрались въ обширной залѣ. На особенномъ возвышеніи сидѣли женщины и между ими была Ронильда, привлекавшая на себя взоры. Привели Гондеца и прочли вслухъ обвинительный актъ, сочиненный Джономъ Думбаромъ. Послѣ сего чтенія возбудились во всѣхъ ужасъ и негодованіе. Судьи выслушали показанія Губер-

та и другихъ рыцарей, про-
вожавшихъ Короля на ос-
тровъ Оронцу, и требовали
оправданствія Гондеца сперва
вразсужденіи важной измѣ-
ны, въ которой наиболѣе
былъ онъ обличенъ.

Монахъ, пошуплавшій до
сего времени глаза свои и не
показавшій никакого знака
смущенія въ продолженіи чте-
нія обвинительнаго акта и
показаній главныхъ свидѣте-
лей, вспалъ и окинулъ смѣло
глазами все собраніе. При ви-
дѣ Ронильды онъ поблѣднѣлъ
и запряся. Онъ приложилъ
ко лбу руку, какъ бы думая о
чемъ-нибудь, и нѣсколько вре-
мени былъ неподвиженъ; по-
томъ принялъ смѣлый видъ
и началъ говорить:

„Не унижу себя опвѣ-
томъ на клеветы, содержа-
щіяся въ прочтенномъ обви-
нительномъ актѣ. Чистота

Нравовъ моихъ и хорошее поведе-
 ніе всѣмъ извѣстны и за-
 щитяшь меня отъ гнусной
 и безбожной клеветы. И такъ,
 по примѣру предстоящихъ
 здѣсь судей, оставляю безъ
 опвѣта сіи обвиненія, не
 имѣющія впрочемъ никакого
 основательнаго доказатель-
 ства; и займусь только пре-
 ступленіемъ измѣны; въ ко-
 торой заключается вся сила
 обвиненія; дабы погубить
 меня:

„Во первыхъ, чтобы при-
 нудить меня къ опвѣту, на-
 добно собрать судей, облечен-
 ныхъ нужною къ тому вла-
 стію; но свѣтскій судъ не
 имѣетъ права судить меня.
 Развѣ неизвѣстенъ духовный
 санъ мой и мѣсто, занимае-
 мое мною въ церкви; а имен-
 но Наспояшеля монастыря
 Святаго Колумба, котораго
 никакая власть не можетъ

лишить меня? Соберите духовенство, и пусть оно судитъ меня. Тогда буду я опъчаться для опроверженія моихъ доносителей.“

Королевскій Адвокатъ началъ говорить и объявилъ обвиняемому, что Шотландскіе законы дозволяютъ судитъ такого рода преступленія гражданскому суду.

— Король, присовокупилъ онъ, какъ участвующее лице въ сёмъ процессѣ, желалъ удалитъ малѣйшее подозрѣніе приспрасія, благоволилъ, изъ уваженія къ вашему званію и для произведенія надъ вами слѣдствія правильнѣе и поржественнѣе, созвать чрезвычайный судъ, прошивъ свѣдѣній и мудрости коего вы не можете сдѣлать никакого возраженія. И такъ вы не должны упорствовать въ повинненіи оному. Подумайте,

что, прошивясь дашь опвѣсть, вы признаете сами себя виновнымъ и подвергаетесь опасности бышь осужденнымъ, что подтвердишь и духовный судъ. —

„Я уиверждаю прошивное, опвѣчалъ Гондецъ съ большею, нежели прежде, дерзоспiю; ничто и ни въ какомъ случаѣ не можешь лишить меня привилегiй моего Ордена, и сколько для своей чести, такъ и для сохраненiя сихъ самыхъ привилегiй, не признаю сего судилища и не хочу опвѣчать на клеветы, выдуманныя подлыми лжецами.“

Тогда судьи, раздраженные упорноспiю и дерзоспiю пресипупника, начали собирать голоса. Показанiя были споль ясны и почны, доказательства такъ сильны и непреоборимы, что мнѣнiя ихъ

скоро согласились. Гондецъ оспавался наклонивъ голову, пошупя глаза въ положеніи чловѣка, находящагося въ глубокихъ мысляхъ. Коль скоро увидѣлъ онъ, что судьи хотѣли произнести приговоръ, то вспаль съ яростнымъ видомъ и сказалъ имъ:

„Я заранѣе пропешую прошивъ законопреступнаго приговора, который вы хотите произнести. Естли ничто не можетъ удержатъ васъ отъ ужаснаго злодѣянія, которое намѣрены вы сдѣлать, прешите, чтобы мщеніе Церкви не пало на главу вашу. Впрочемъ естли Шопландскіе законы осуждаютъ меня, то я не Шопландецъ и слѣдовательно не подвергаюсь ихъ приговору. Я родился въ Римѣ и подданный священной Главы Христіанства, членъ спрашнаго

судилища пресвятой Инквизиціи. Одно это судилище можетъ разбиратьъ ужасныя обвиненія, въ которыхъ меня уличаютъ и которыхъ вы не имѣете права изслѣдывать. Я пребую, чшобы меня оп-
 везли въ опечесиво мое, для изслѣдованія дѣла моего свя-
 тою Инквизиціею и получе-
 нія блистательнаго правосу-
 дія прошивъ моихъ гониме-
 лей.“

— Гондецъ! вскричалъ грозный голосъ, какъ бы изъ сводовъ залы: желанія твои исполнятся; ты будешь судимъ святою Инквизиціею; преспуленія, до сего часа неслыханныя, опкроются ей наконецъ. —

Присутствующіе посмо-
 трѣли другъ на друга съ чрез-
 мѣрнымъ удивленіемъ; всѣ
 старались узнать, опкуда
 происходилъ голосъ. Попомъ

взоры всѣхъ обратились на Гондеца, который, поблѣднѣвъ, съ ужасомъ упалъ на стулъ свой, какъ бы пораженный громомъ. Тишина не скоро возстановилась въ собраніи. Когда шумъ прекратился, то два человека, въ монашескомъ одѣяніи и закрывши совершенно лицо онымъ, прошли быстро черезъ залу, приблизились въ молчаніи къ Королю, подали ему свипокъ бумаги и попчасъ исчезли. Во время чтенія бумагъ сяхъ Монархъ оказалъ на лицѣ своемъ знаки живѣйшаго ужаса; нѣсколько разъ прерывалъ онъ чтеніе, возводилъ глаза свои къ небу и обращалъ попомъ съ гнѣвомъ на обвиняемаго. По окончаніи вспалъ онъ съ прона и велѣлъ призвать двухъ незнакомцевъ въ свою комнапу. Черезъ нѣсколько времени по-

звали туда же Губерта, и онъ оставилъ судъ и собраніе въ величайшемъ удивленіи.

Не смотря на свою дерзость и глубокое припворство, Гондецъ не могъ скрыть ужаса, происшедшаго въ немъ отъ спрашнаго слышаннаго имъ голоса. Тщешно старался онъ бытъ сколько-нибудь швердымъ: примѣпная перемѣна лица его показывала положеніе души и обнаруживала нечистоту его совѣсли.

Спрашное имя Инквизиціи, произнесенное симъ голосомъ, копорую призывалъ онъ только для того, чпобы избавишься опасности приговора, возбудило вдругъ въ разумъ его ужаснѣйшія мысли. Онъ представилъ себѣ пышки, производимыя симъ судилищемъ надъ обвиняемыми, и жестокія казни за великія прешупленія, въ коихъ

онъ чувствовалъ себя виновнымъ и которыя обѣщаль открыть голосъ. Два главнѣйшихъ обвинителей увеличили страхъ его. И такъ они открываютъ наконецъ преступленія, остававшіяся такъ долго безъ наказанія, слѣды коихъ желалъ онъ скрыть съ такимъ стараніемъ? Онъ избѣгъ суда гражданскаго, чтобы явиться на судъ духовный, который можетъ быть еще строже съ нимъ поступить? Такъ мучился онъ мрачными размышленіями и страхомъ несправедливаго ужаса, который есть первый пираніи преступныхъ сердецъ.

Черезъ нѣсколько часовъ судьи объявили, по приказанію Короля, что приговоръ надъ обвиняемымъ опмѣняелся, что въ самое короткое время повезутъ его въ Римъ и,

по просьбѣ его, отдадутъ на судъ святой Инквизиціи.

Собраніе послѣ того было распущено, и отданъ приказъ отвести обвиняемаго въ темницу.

При семъ приказѣ Гондецъ, погруженный въ мрачныя мечпы, приподнялъ голову, покрывшую мракомъ смерти. Онъ принялъ приговорный спокойный видъ и прошелъ чрезъ залу, попявзоры и сложа руки крестобразно на груди. Подошедши къ двери, лишился онъ силъ и принужденъ былъ опереться на караульныхъ, которые тотчасъ его вывели.

Все собраніе разошлось, пораженное чрезвычайными обстоятельствомъ тяжбы, съ увѣреніемъ, что тайныя преступленія, которыхъ суда спрашивался обвиняемый, были еще ужаснѣе содѣян-

ныхъ имъ въ монастырѣ Святаго Колумба, какъ ни велики оныя казались.

Въ ту мину, какъ Губерно нашель въ опцѣ Антоніѣ почтеннаго Алзарра, покровителя своего дѣшства, и узналь опъ него тайну своего рожденія, приняль онъ пощчасъ намѣреніе вхатъ съ нимъ въ Ипалію; а оборопъ Гондецова дѣла, утверждая его въ сей рѣшимости, заставиль ускоритъ исполненіемъ своего намѣренія. До женишѣбы своей на Ронильдѣ хопѣль онъ получить очевидныя и неоспоримыя доказательства на свое рожденіе и проситъ лично о наказаніи злобныхъ гонителей его фамиліи. Онъ съ гореспію усматриваль значительную опсрочку своего щастія опъ сего продолжительнаго путешествія и запушаннаго

процесса: но обстоятельство требовали неприятной сей жертвы. И такъ сдѣлалъ онъ приготовленія свои къ пуши. Прекрасная Ронильда при семъ извѣстїи не могла скрыть своего безпокойства и горести. Она просила Губерша поспѣшитьъ сколько можно своимъ возвращеніемъ. Съ живѣйшимъ страхомъ смотрѣла она, какъ любовникъ ея подвергается многочисленнымъ опасностямъ, въ копорыхъ погибли его родители и другъ ихъ, Герцогъ Озимо. Сколько разъ просила она его дѣйствовать съ осторожностію! съ какою нѣжностію препоручала брану своему, Графу Озимо и Джону Думбару, управляющемся съ Губершомъ, сохранить его и поспѣшитьъ возвращеніемъ, есльди примѣтитъ малѣйшую опасность!

Когда все было готово къ отъѣзду , то Авинцо съ Графомъ Озимо и Сирь Дональдомъ явились къ Королю, чшобы проспитъся съ нимъ.

„Любезный и храбрый Губерно! сказаль ему Монархъ: я отдаю вамъ злодѣя Гондеца ; опмспитте за меня сему измѣннику , опмспитте за Ронильду и знаменипыхъ родителей вашихъ и возврапитесь скорѣе въ Шопландію, кошерая поставляетъ славою и честію своею сдѣлать васъ своимъ согражданиномъ.“

„Что касается до васъ , Графъ Озимо , то я боюсь, чшобы пріятные берега Италіи не заславили васъ забыпъ Шопландію. Очень желаю, чшобы любезный Губерно привезъ васъ обратно къ моему Двору и упросиль васъ оспашься съ нами навсегда.“

„Сирь Дональдъ ! я принимаю подь свое покровительство сестру вашу и буду ей вмѣсто отца.“

„Буду беречь вашу Ронильду, Губершо, какъ драгоценный залогъ, на коемъ основывается ваше благополучіе, и увѣряющій меня въ возвращеніи вашемъ. Прощайте, положитесь на благодарность мою и дружбу во всѣхъ мѣстахъ и во всякое время.“

Разлуку Губерша и Ронильды не лзя выразить словами. Долго старалась она скрыть свою горесть и удержавъ слезы; одни только взоры показывали глубокую печаль души ея. Но когда Авинцо подошелъ, чтобы проститься съ нею въ послѣдній разъ, то лице ея покрылось смертною блѣдностію; и онѣ слезы и задушающихъ

рыданій не могла она произнести слова.

„Ронильда! сказалъ Гурберто, также сильно пронувшій: я ѣду въ ту минушу, когда клятва готова была навсегда соединить насъ. Священный долгъ принуждаетъ меня васъ оставить. Увы! удаляясь отъ васъ, чувствую, что разрушаю всѣ узы, привязывающія меня къ жизни. Но Небо, хотѣвшее насъ соединить, Небо, Коему обязанъ я великими благодѣніями, конечно не разлучитъ насъ на вѣки: Оно окажетъ мнѣ покровительство и ускоритъ моимъ возвращеніемъ. Сохраните ко мнѣ чувствія непорочной любви, вспоминайте о томъ днѣ, когда поклялся я вамъ въ часовнѣ Святаго Колумба; клятвы сіи начертаны въ сердцахъ моихъ. Прощайте! . . . до самаго

гроба не прешану любить васъ и жить только для васъ одной.

Сказавши сіе, поцѣловаль онъ у Ронильды руку, сжавши ее тихо въ своихъ рукахъ, и ушелъ поспѣшно, опирая слезы, текшія изъ глазъ его.

Когда онъ удалился, то Ронильда, не имѣя силъ болѣе воздержаться, упала на спудъ и предалась всей своей горести. Попоки слезъ пролились изъ глазъ ея и облегчили стѣсненное сердце.

Въ ту же самую ночь Гурберто съ Графомъ Озимо и Сиръ Дональдъ отправились на корабль, гдѣ ожидалъ ихъ Джонъ Думбаръ. Гондеца перевезли на оный заранѣе подъ крѣпкимъ карауломъ и заперли въ тѣсную каюпу, приспавя къ ней спражей.

На разсвѣтѣ началъ дуть попутный вѣтеръ, подняли якорь, разпустили паруса и повезли далеко отъ Шотландіи печальнаго Губерта, который, устремивъ глаза къ берегу; казалось, искалъ еще взорами тѣхъ мѣстъ; гдѣ жила Ронильда.

Г Л А В А III.

Сильныя причины побудили Шотландскаго Короля отмѣнить наказаніе Гондеца. Званіе преступника не могло бы защищать его отъ должной казни; но онъ былъ подданный Папы (власіи котораго была тогда ужасна въ членѣ Инквизиціи и занима), важное мѣсто въ Церкви. Это принудило прервать начатое судопроизводство.

Джонъ Думбаръ предвѣдѣль сіе зашрудненіе. По совѣту его, Губерто и Графъ Озимо заранѣе приготвовили записку, въ которой просили у Короля позволенія представить Гондеца предъ судище Инквизиціи. Джонъ Думбаръ, споявшій съ Графомъ Озимо далеко отъ Гондеца въ углу залы, слышалъ его опроверженіе и полчасъ опрѣчалъ на оное. Грозный голосъ его успрашилъ собраніе и самага преступника. Топчасъ послѣ того представилъ онъ съ Графомъ Озимо записку, къ которой присовокупилъ подробное изчисленіе Гондецовыхъ преступленій. Чтеніе сей бумаги привело Короля въ ужась. Зная, что казнь, опредѣляемая Шотландскими законами для великихъ измѣнниковъ, была слишкомъ мала для по-

добнаго злодѣя; опасаясь также оскорбить Главу Церкви, котораго имѣль причины щадить при началѣ своего правленія, легко согласился на просьбу Губерта. Онъ далъ ему также два собственноручныхъ письма, одно къ святому Опцу, другое къ великому Инквизитору, въ которыхъ описалъ пресупленія Гондеца вразсужденіи его самого и причины, побудившія его прекратить судопроизводство. Сія два письма должны были доставить Губерту спличный пріемъ и дать болѣе вѣсу его обвиненію.

За нѣсколько дней до того Джонъ Думбаръ, по обѣщанію своему, далъ Авинцу бумагу, содержащую въ себѣ признаніе въ его поступкахъ. Повѣсть сія совершенно обнаружитъ злодѣянія Гондеца

и послужишь документомъ въ его тяжбѣ.

Исторія Джона Думбара.

„Исторія моей жизни заключаетъ почти исторію жизни Гондеца. Она есть не иное что, какъ признаніе поступковъ, болѣе или менѣе виновныхъ и пресупныхъ. Описать ее вѣрно, значитъ сдѣлать противъ себя опаснѣйшее свидѣтельство. Однако я ничего не скрою и буду надѣяться, если возможно, прощенія, которое можетъ заслужить одна истинна и твердое непоколебимое намѣреніе объявить оную съ опасностію собственной жизни. Я не буду уменьшать собственныя свои пороки, а еще менѣе увеличивать преступленія моего непріятеля.

„Я никогда не зналъ своихъ родителей, знаю только

то, что съ самыхъ молодыхъ лѣтъ воспитывался я въ Римѣ, въ домѣ Кардинала Николо Гонзари, подъ именемъ Доминико.

„Я былъ еще очень малъ, когда привезли въ пошъ же домъ другаго мальчика. Слухъ носился, что онъ былъ сынъ Кардинала, плодъ беззаконной его связи съ одною Римлянкою, которую попомъ сдѣлалъ онъ настоятельницею въ де ла Пьетскомъ монастырѣ, подъ именемъ мапери Алуццы. Какъ бы то ни было, но Кардиналъ публично объявилъ, что беретъ этого мальчика подъ особенное свое покровительство и хочетъ самъ его воспитать.

„Его назвали Джіованни Малдикини, а меня дали ему въ поварихи ученія и дѣтскихъ забавъ. Заранѣ предупредили меня и непрестан-

но повторяли, что спѣ снисхожденія и покорности зависящъ повышеніе мое и щасліе. Съ самыхъ первыхъ минушь началъ я узнавать его склонности, никогда ему не прошиворѣчилъ и согласовался во всемъ съ его поведеніемъ. Подражаніе такому дурному образцу имѣло для меня самыя пагубныя слѣдствія.

„Мало по малу привыкъ я самъ къ тому, къ чему хотѣли меня сперва принудить. Я принялъ его мнѣнія, раздѣлялъ всѣ его намѣренія и исполнялъ желанія его, ни мало не сопротивляясь и не размышляя ни о чемъ.

„Малдикини заблаговременно обнаружилъ дурныя свои склонности и злой характеръ. Наставленія и примѣры Кардинала заставили его скорѣе открыться оному и скоро познакомили воспи-

францика съ самыми безчестными пороками и ужасными пресупленіями. Пожираемый такимъ же честолюбіемъ и алчностью, какъ и отецъ его, Малджини сдѣлался корыстолюбивъ и улыбался при мысли похищенія у фамиліи Гонзари Герцогства и обширныя владѣнія.

„На сей конецъ, посоветовавшись съ Кардиналомъ, рѣшился онъ умертвить молодого Герцога Гонзари въ дѣсу Вилла Севешы, подговоря къ тому шайку разбойниковъ. Но Герцогъ на сей разъ ушелъ отъ нихъ и встрѣтился по сему случаю съ прекрасною Розанною, дочерью Маркиза Алварони, въ которую спрассно влюбился и потомъ женился на ней.

„Сей бракъ, отъ коего натурально Герцогъ имѣлъ бы наследниковъ, разстроилъ всѣ

планы Кардинала. Джіованни, распавившій шпіоновъ въ Манфредоніи и въ Вилла Севенъ, поспѣшилъ его увѣдомить о томъ и научилъ его припвориться в другъ опасно занемогшимъ, чтобы заспавить племянника его, Герцога, пріѣхать въ Римъ. Послѣдній въ самомъ дѣлѣ, желая принять послѣдній вздохъ своего дяди, къ которому питалъ всегда почтеніе и любовь, поспѣшилъ опъѣздомъ, не принявъ никакой предосторожности. Джіованни поручилъ мнѣ самому дожидаться его на дорогѣ въ удобномъ мѣстѣ съ шайкою преданныхъ ему людей. Мы напали на него и легко захватили. Я спвезъ его въ старый Замскъ, посреди Аппенинскихъ горъ, гдѣ онъ долженъ былъ оставаться до новаго приказанія.

„Между тѣмъ какъ все сіе происходило, вѣроломный Джіованни, скрывавшійся нѣсколько дней въ окрестностяхъ Виллы Севепы, прискакалъ въ оную вечеромъ и сказалъ, что пріѣхалъ изъ Рима для ускоренія отъѣздомъ Герцога и для сообщенія ему живѣйшаго неперпѣнія Кардинала съ нимъ видѣться, коцсраго болѣзнь, по словамъ его, весьма усидилась. Въ короткое время пребыванія его въ Виллѣ успѣлъ онъ примѣщать яду въ напитокъ, поданный Маркизу Алварони, который былъ такъ силенъ, что лишилъ его пошчасъ жизни. Пошомъ велѣлъ онъ разбойникамъ схватить молодую Герцогиню Гонзари. Они привели ее, въ ожиданіи начальника, въ развалины, куда черезъ нѣсколько времени случай привелъ

Графа Озимо, который едва не погибъ, освобождая ее отъ ихъ рукъ. Джіованни хотя и не былъ извѣстенъ Графу; но поспѣшь узналъ лице его; когда осматривалъ его раны: Онъ почелъ Графа мертвымъ и радовался; избавившись вѣрнаго друга молдаво Герцога Гонзари.

;;Изъ развалинъ; въ которыхъ разбойники привезли сперва Герцогиню; оправили ее почти умирающую въ дѣла Піетскій монастырь. Мать Алуццо; получившая уже наставленія Кардинала; дожидалась ее. Скоро Кардиналь пришелъ къ ней подъ чужимъ именемъ и старался ее увѣдомить, что она сдѣлала очень важное преступленіе, вышедши за Герцога за-мужъ безъ согласія дяди его. Чтобы замладить сію вину; уговаривалъ онъ ее по-

спричься въ монахини и забыть супруга, потеряннаго ею навсегда. Скоро перемѣнилъ онъ намѣреніе, видя ея прелести. Каждый день находилъ онъ болѣе удовольствія смѣряться на нее и разговаривать съ нею; наконецъ ощутилъ къ ней жестокую страсть и осмѣлился написать въ своемъ сердцѣ самыя преступныя желанія. Не привыкнувъ къ обузданію себя и не страшась никакого преступленія, открылся онъ въ новой своей любви мапери Алуццѣ, достойной своей любимицѣ, и согласился съ нею посягнуть на честь ея. Но подлый Джіованни Малдмкинни, столь же преступный, какъ и отецъ его, писалъ къ ней съ своей стороны равную страсть. Узнавши о томъ Игуменья о намѣреніяхъ Кардинала, видѣлъ онъ въ немъ

только опаснаго соперника, отъ котораго надобно было освободиться. Ему не нужно было заглушать въ сердце своемъ гласъ природы и благодарности, котораго заѣрская душа его никогда не знала, и скоро рѣшился оправить, естли не собственнаго отца, то по крайней мѣрѣ почитавшагося такимъ и во всю жизнь осыпавшаго его благодареніями.

„Съ сей минушы Джіованни Малдиккини, съ помощію совѣтовъ матери, принялъ нужныя мѣры для завладѣнія богатыми помѣстьями Герцога Гонзари, коего отсутствіе заславляло почитать умершимъ, а законные наслѣдники были неизвѣстны. Онъ претребовалъ ихъ какъ часть наслѣдства Кардинала Николо Гонзари, совершенно за нимъ утвержденного. Для

этого подкупилъ онъ многихъ членовъ Инквизиціи и вступилъ самъ въ сіе судилище; потомъ не щадилъ ни просьбъ, ни обѣщаній, ни денегъ, чтобы сдѣлать его къ себѣ благосклоннымъ; наконецъ получилъ рѣшеніе, отдающее владѣнія Герцога Гонзари, за неизмѣнимъ законныхъ наследниковъ, Папской коронѣ, предославляя ему, Джіованни Малдикини, пользоваться доходами съ сего Герцогства во время жизни его.

„Другое обстоятельство, не мало способствовавшее къ тому, чтобы черезъ нѣсколько времени послѣ того сдѣлать бесполезными старанія Графа Озимо отыскать Джіованни, коего подозрѣвалъ онъ въ числѣ гонимель Герцога, было переимѣна имени. Сообщено шайнспвенному обывковенію членовъ святой Инк-

квизиціи, Джіованни Малдикини оставилъ настоящее имя свое и принялъ названіе Гондеца.

„Между тѣмъ несчастная Герцогиня Розанча Валенца, сдѣлавшись предметомъ гнусныхъ предпріятій Джіованни, опивчала ему только презрѣніемъ и гнѣвомъ. Увѣреніе, что имѣетъ въ себѣ залогъ супружной любви, и надежда сдѣлаться скоро матерью поддерживали ее. Джіованни увѣдомилъ ее, что Герцогъ находится въ его власти. Нѣсколько разъ спарался онъ побѣдить упорность ея ужаснѣйшими угрозами; но она противуполагала ему непоколебимую твердость, не смѣя впрочемъ ничего предпринять, опасаясь какою-нибудь нескромностію, или опиважнымъ покушеніемъ, подвергнувшись опасности собствен-

ную свою, а особливо своего супруга, жизнь.

„Розанна ни мало не испрашила смерти и благословила бы руку, которая прекратила бы дни ея; но ее привязывали къ жизни любовь къ Герцугу и спасеніе невиннаго дѣворенія, котораго она скоро должна была произвѣсти на свѣтъ. Болѣе всего старалась она сохранить своего младенца отъ лютой ненавистнаго Джіованни. Одна изъ монахинь сей обители, благочестивая и сострадашьяная женщина, сжалилась надъ ея бѣдствіемъ. Маргарита доставила ей средство скрыть беременность и согласилась съ нею, какъ облегчить ея роды и доставить младенца въ безопасное мѣсто.

„Во время родовъ Герцогини умерла мать Алуццо, Наспояшьяница монастыря,

бывши долгое время опасно больна. Сіе обстоятельство, весьма благопріятное для Розанны, освободило ея опть опасной надзирашельницы. Хищросшь и безпокойство, произшедшія по сему случаю въ монастырѣ, отврапили совершенно всякое вниманіе. Добрай сестрѣ Маргаритѣ удалось опдашь младенца Герцогини на руки Графу Озимо, а Розанна въ несчастіи своемъ почиала себя щасливою, ввѣривши драгоцѣнную опрасль двухъ знаменитыхъ фамилій попеченіямъ споль вѣрнаго друга.

„Вскорѣ по смерти своей мапери Джіованни увезъ Герцогиню изъ де ла Піепскаго монастыря и опправиль ея въ Замокъ, гдѣ супругъ ея былъ заключень. Извергъ по временамъ ѣздиль шуда и возъ обновляль Розанинѣ гнусныя

свои предложенія и наслаждался мученіями двухъ нещасливыхъ.

„Щещно покушался Графъ Озимо открыть пребываніе Герцога и супруги его: щещно обвинялъ онъ передъ судомъ святой Инквизиціи гонимелей ихъ. Малдикини, скрышый подъ именемъ Гондеца, дѣлалъ бесполезными всѣ усилія его, и даже самого его заключилъ въ темницы Инквизиціи. Никогда опважный другъ сей не получилъ бы своб ды безъ одного обспояшельства, довольно неважнаго по наружности, но имѣющаго чрезвычайныя послѣдствія.

„Баліоль, провозглашенный Королемъ Шопландіи Эдуардомъ, Англинскимъ Королемъ, уступилъ Папѣ монашерь Святаго Колумба съ тѣмъ, чтобы онъ согласился

дасть ему сіе найменованіе и опвлечь опть партіи Роберта Брюса, законнаго искашеля Шотландскаго престолоа. Члены Инквизиціи, шревожась ропшомъ, произведеннымъ въ народъ оправленіемъ Маркиза Алварони, похищеніемъ его дочери и скрыщеніемъ Герцога Гонзари, виновниками сему подозрѣвали Кардинала Николо и Джіованни; думали ушущипь сіи слухи, схващивъ Графа Озимо и погубивъ его шайно. Но ужасная сія несправедливість у-величила шолько негодованіе и съ большею силою возбудила сараведливья подозрѣніа главѣйшихъ жителей Рима, давно уже приняшья по сему предмету. Миѣніе было въ сёмъ случаѣ сильнѣе шираниіа и оспановило дѣйствія сильнѣйшаго развращенія. Инквизишоры согласи-

дись выпустишь Графа Озимо съ шѣмъ, чшобы онъ призналъ доносъ свой клеветною и общалъ бы не возобновляшь его. Въ то же время уговорили Папу сдѣлать Джіованни Наспояпелемъ монастыря Святаго Колумба, желая удалить его на нѣсколько времени изъ Италіи. И такъ Графу Озимо дали свободу, а Джіованни пригото-вился къ отъѣзду на островъ Оронцу.

„Такъ, по особеннымъ видамъ Божескаго правосудія, сохраненъ былъ Графъ Озимо, чшобы покровительствованъ дѣйствиу Губерна Авинца, открышь ему въ послѣдствіи знаменитую его породу и вмѣстѣ съ нимъ просить о наказаніи преступнаго Гондеца, люднаго ихъ гонителя.“

ГЛАВА IV.

*Продолженіе исторіи Джона
Думбара.*

„Джіованни Малдиккини ,
сдѣлавши свои пригото-
вовленія и давши тай-
нымъ своимъ повѣреннымъ
нужныя наставленія для про-
долженія въ Конклавѣ во вре-
мя его отсутствія честполю-
бивыхъ его предпріятій, оп-
равился, до опѣзда своего
въ Шотландію, въ Замокъ,
гдѣ спеналь такъ долго Гер-
цогъ Гонзари, не имѣя ушѣ-
шенія обнять хотя одинъ
разъ супругу свою, копорой
заключеніе подлѣ него въ
темницѣ было ему извѣстно.
Съ нѣкопорого времени Джіо-
ванни поручилъ мнѣ смотрѣ-
ніе за двумя плѣнными; но,
не смотря на то, что участвѣ

ихъ меня прогала, не смѣлъ я доспавивъ имъ удовольствій свиданія. Не въ силахъ будучи облегчить жестокости ихъ започенія, я по крайней мѣрѣ избѣгалъ сдѣлать его тягостнѣе. Угрозы Джюванни и страхъ непримиримаго его мщенія препятствовали мнѣ предасться другому чувству. Я имѣлъ горестъ видѣть Герцогиню Розанну Валенцу умирающую послѣ многихъ спраданій ошъ горестнаго ея заключенія и продолжительной разлуки съ обожаемымъ супругомъ. Нѣсколько разъ соглашался я брать ошъ нихъ другъ къ другу записки и не могъ безъ проливія слезъ слышать возсылаемая сею женщиною умирающимъ голосомъ къ Богу молитвы о щастіи ея сына и супруга; но чувства сожальнія и страхъ огорчили

Джіованни побудили мѣнѣ скрывать оубъ Герцога горестную кончину его супруги.

„По прибытіи Джіованни я объявилъ ему о смерти Герцогини. Извѣстіе это привело его въ ярость. Онъ поклялся испребить Герцога, смертельно имъ ненавидимаго, копорый одинъ препятствовалъ Розаннѣ согласиться на его желанія. Пока Герцогиня была жива, онъ почиталъ нужнымъ щадить соперника, копорому часто угрожалъ жестокою смертію, а иногда обѣщалъ освободить, чшобъ устращить Розанну или побудить къ согласію на его желанія. Но въроломный непременно погубилъ бы Герцога, насытивъ страсть свою. И такъ ничто не могло теперь удерживать его. Почилалъ за вѣрное, что у Герцога нѣтъ наследниковъ,

онъ видѣлъ въ немъ только врага себѣ и владѣтеля обширнаго имѣнія, имъ уже захваченнаго и коимъ желалъ онъ спокойно пользоваться. И такъ корысполубіе соединилось съ ненавистью для утвержденія его въ семъ варварскомъ намѣреніи.

„Въ продолженіи двухъ сутокъ, прошедшихъ со времени прибытія его въ замокъ, извергъ не преставаеъ умышлятьъ ужасное убійство, которое хотѣлъ онъ совершить. Днемъ ходилъ онъ медленно съ мрачнымъ и задумчивымъ видомъ по обширнымъ галлереямъ древняго сего зданія; ночью, будучи не въ состояніи вкушатьъ пріятности сна, предоспавленную только спокойнымъ и добродѣтельнымъ сердцамъ, бредилъ онъ, сложивъ руки, по пространному двору и высокимъ плашформамъ зам-

ка. Ругательство и проклятія, срывавшіяся съ его языка съ грозными пѣлодвиженіями, одни только прерывали безмолвіе сихъ мѣснѣ. Ни кропкой и чистый свѣтъ луны, ни блестящій сводъ небесъ, ни прогательная ширина цѣлой природы, погруженной въ глубокое спокойствіе, не могли смягчить свирѣпаго и кровожаднаго его сердца.

„На третій день, вечером, я осмѣлился возмутить черныя его мысли. Довольно важная причина побудила меня заговорить съ нимъ.

„Уже при дня, сказалъ я, какъ Герцогиня Розанна Валенца умерла; что прикажете сдѣлать съ ея пѣломъ?

„При сихъ словахъ Джіованни сдѣлалъ судорожное движеніе; онъ вскочилъ со стула, сдѣлалъ нѣсколько ша-

говъ по комнашѣ, попомъ, по-
думавъ съ минушу, сказалъ :
— Поставь его завтра
въ погребъ часовни. —

„Слушаю, отвѣчалъ я,
и пошчасъ хотѣлъ уййти.“

— Послушай, Доминико!
прибавилъ Джіованни: шѣло
лежишь въ большой залѣ, не
шакъ ли? —

„Да, отвѣчалъ я; шамъ
умерла Герцогиня.“

— Подай мнѣ ключъ опъ
эшого зала, продолжалъ онъ. —

„Я опвязалъ его пошчасъ
опъ связки ключей, находив-
шейся у меня въ рукѣ, и по-
далъ ему.“

— Доминико! будь нынѣш-
нюю нѣчь у дверей эшого за-
ла, сказалъ мнѣ Джіованни,
положа ключъ въ карманъ и
дѣлая мнѣ знакъ рукою, чшо-
бы я вышеть. —

„Буду, отвѣчалъ я, и
пошчасъ вышеть.“

„Джіованни, погрузясь опять въ мрачную задумчивость, ходилъ, большими шагами по комнатѣ; глаза его сверкали опть ярости, и пресупленіе изображалось на лбу его. Онъ подошелъ къ окну и посмотрѣлъ на небо, котораго ужасная мрачность согласовалась съ черными замыслами души его. Густыя облака покрывали горизонтъ, и глухой ревъ вѣтра прерывалъ опть времени до времени обширное безмолвіе ночи. Въ эту минуту пробило одиннадцать часовъ. Какъ бы пробужденный симъ звукомъ, Джіованни собрался съ мыслями, взялъ лампаду, горѣвшую на столѣ, и вышелъ изъ комнаты.

„Онъ побѣжалъ черезъ многіе залы и пустыя галлеи къ Сѣверной башнѣ, возшелъ въ башню по лѣстниц-

иъ и останоуился у двери зала, въ кошоромъ покоились хладные ошатики прекрасной и добродѣтельной Гозанны Валенды.

„Онъ медленно повернулъ въ замкъ ключъ, и огромная дверь заскрыпѣла на ржавыхъ крючьяхъ. Сдѣлавши нѣсколь-ко шаговъ, поднялъ онъ лампаду къверху, кинулъ около себя блуждающій взоръ и невольно вздрогнулъ. Въ концѣ зала увидѣлъ онъ постель, а на постели блѣдныя руки и лице несчастной Герцогини. Бѣлое пологно покрывало ошальныя части тѣла и упадало широкими складками на полъ. При видѣ сего лица, прежде споль прелестнаго и кошорое не совсѣмъ еще потеряло красоту свою, Джіованни по видимому смягчился нѣсколько: слабыя упреки совѣспи проникли въ его серд-

це. Въ ту же минуту сильнѣй въперъ захопнулъ дверь и приподнялъ покрывало. Пораженный внезапнымъ ужасомъ, Джіованни осполбенѣлъ; холодный потъ выступилъ по всему его тѣлу; онъ думалъ, что душа его жертвы хочетъ явиться ему и упрекать въ злодѣяніи; но, опомнясь скоро отъ спраху, смѣялся онъ самъ своему испугу и съ ругательствами вызывалъ справедливо раздраженную имъ тѣнь.

„За сими различными чувствами послѣдовало бѣшенство на Герцога, сего соперника, еще живущаго, который одинъ имѣлъ щастіе бытъ любимымъ пою, копорю тщетно старался онъ обладать и копорой шеперь навсегда лишился.

„Неперпѣливо желая мщенія, выщель онъ изъ зала

и побѣжалъ въ комнату, гдѣ находился предметъ его ненависти. Онъ отперъ поспѣшно дверь и подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ Герцогъ, скриванный и лежа на дурной соломённой постелѣ, вкушалъ въ сладкомъ и спокойномъ снѣ забвеніе своихъ бѣдствій.

„При видѣ сего несчастнаго, погруженнаго въ глубокій сонъ, ярость Джіованни увеличилась. Онъ позавидовалъ спокойствію невинности, котораго давно не зналъ, и спѣшилъ прервать его, вскричавъ грознымъ голосомъ:

„Встань, Гонзари! я доставлю тебѣ вѣчный сонъ.“

„При сихъ словахъ Герцогъ поднялъ голову и смотрѣлъ спокойно на своего непріятеля, ничего не отвѣчая.

„Развѣ ты не слышишь?“ продолжалъ Малдикини, смо-

пря на него съ звѣрскою радосшію.“

— Извергъ! отвѣчалъ Герцогъ, помолчавъ съ мину-ту: я слышу и благодарю, что ты одинъ разъ въ жизни хочешь сдѣлать благодѣяніе. Вѣчное спокойствіе, о коемъ ты говоришь, существуетъ для меня только во гробѣ: ибо я не могу ожидать другаго при швоей жизни. Исполни мѣру злодѣяній своихъ. Теперь ночь, темноша ея благопріятствуетъ подлымъ швоимъ намѣреніямъ. Вошь грудь моя, рази смѣло; я починаю смерть лучшимъ подаркомъ, какой ты можешь мнѣ сдѣлать. —

„При семь отвѣтъ Джіованни ужасно нахмурилъ брови; но, принявши опять жестокій насмѣшливый цонъ, присовокупилъ :

„Гонзари! желаешь ли ты видѣть жену свою?“

„Неожиданная надежда сія внезапно оживила несчастнаго пѣвника; онъ прервалъ рѣчь Джіованни.

— Что ты говоришь! вскричалъ онъ; какъ! ты хочешь еще доставить мнѣ это удовольствіе прежде моей смерти? или желаешь обоихъ насъ подвергнуть одинакой участи и соединишь въ вѣчномъ блаженствѣ? —

„Малдикини, сохраняя вѣроломное молчаніе, указалъ пальцомъ на дверь комнаты, вышелъ медленными шагами и далъ знакъ Герцогу идти за собою.

„Они достигли Сѣверной башни и взошли на круглую лѣстницу, ведущую во внутренность ея. Герцогъ, ослабѣвши отъ продолжительныхъ спраданій, шель съ трудомъ

за своимъ проводникомъ. Увы! въ неперѣливости своей онъ совсѣмъ не предвидѣлъ спрашнаго гонящагося ему удара.

„Дошедши до двери большаго зала, Джіованни сдѣлалъ Герцогу знакъ войши въ него и, взявши лампаду, привелъ его къ бездушному пѣлу Розанны.

„При видѣ обожаемаго лица сего, покрытаго смертною блѣдностію, Герцогъ изпустилъ вопль и упалъ безчувствъ на трупъ своей супруги. Между тѣмъ Джіованни, восхищенный успѣхомъ своей хитрости, поставилъ на столъ лампаду и наслаждался гореспною сею сценою. Посмотрѣвъ нѣсколько времени на сіи жершвы, онъ вышелъ изъ зала и заперъ за собою дверь.

„Герцогъ долго былъ въ обморокѣ, но мало по малу

пришелъ въ чувство. Возвращеніе разума послужило только къ тому, чтобы показать ему всю обширность его несчастія и ужасъ его положенія. Пораженный горестію, спояль онъ неподвиженъ, устремивъ взоры на бездушное тѣло. Вдругъ онъ опомнился. Глаза его, въ копорыхъ изображались гнѣвъ и ярость, искали Малдикини, но напрасно.

„Злодѣй скрылся! вскричалъ онъ; но что я говорю? благодарю Бога, что въ сіе ужасное время освободилъ онъ меня отъ гнуснаго своего присутствія . . . О Розанна! и такъ вопль все, что оспается мнѣ отъ себя; и я не могъ принять послѣдняго твоего вздоха! О возлюбленная! прими съ послѣднимъ симъ объятіемъ душу супру-

га, соединяющагося съ побою навсегда.“

„При сихъ словахъ бросился онъ опять на постель и сжалъ въ объятіяхъ своихъ безчувственные остатки супруги. Часы часовни пробили полночь. Въ ту минуту комната наполнилась яркимъ свѣтомъ, гармоническіе тоны раздались въ воздухъ и небесный голосъ произнесъ ясно сіи слова:

„Переспань, любезный супругъ, напрасно печалишься. Узнай, что существуешь залогъ нашей любви. Приди къ Розаннѣ своею взираешь съ верху небесъ на участь любезнаго сего сына. Прежде чѣмъ пищи ушренимъ пѣніемъ своимъ возвѣспяшь наступленіе дня, ты соединишься навсегда съ нею!“

„Гласъ умолкъ, воздушная музыка и свѣтъ исчезли“

одна лампада прогоняла мракъ, царствующій въ залѣ, и все утихло.

„Герцогъ, какъ бы пробудясь отъ глубокаго сна, казалось, слушалъ еще дражайшій знакомый ему голосъ.

„Нѣтъ, это не мечта! вскричалъ онъ; я слышалъ твой голосъ, обожаемая супруга! Это Розанна, призывающая меня къ себѣ съ жилища блаженныхъ.“

„О Боже! присовокупилъ онъ, бросаясь на колѣна: я не ропщу и покоряюсь волѣ Твоей; но защити по крайней мѣрѣ сего сына, коего не позволилъ мнѣ видѣть и обнять, пролей на него Свое благословеніе.“

„Когда онъ оканчивалъ сіи слова, Малдикки появился у двери зала, держа въ одной рукѣ чашу, а въ другой

кинжалъ. Онъ подошелъ къ Герцогу и сказалъ ему :

„Гонзари! я ѣду изъ Ипаліи. Необходимость побуждаетъ меня жить нѣсколько времени въ другихъ мѣстахъ; однако жизнь своя мнѣ ненавистна, а свобода была бы прошивною моимъ намѣреніямъ. И такъ я рѣшился умертвить тебя. Сопротивленіе бесполезно, ты не избѣгнешь опъ меня, а жизнь своя не должна имѣть никакой цѣны, когда ты лишился навсегда Розанны. Избирай кинжалъ, или ядъ: пошь и другой прекращаешь скоро твои спрдаанія.“

„Герцогъ, не прогаясь ни мало и не опвѣчая ему ни слова, взялъ чашу изъ рукъ Джіованни; попомъ, оборотясь къ шѣлу своей супруги, вскричалъ :

Часть IV.

Ж

„Розанна! прими душу своего супруга. Боже! соедини насъ скорѣ!“

Тогда выпилъ онъ однимъ разомъ смертную чашу; потомъ легъ на постель подле шѣла и обнялъ его съ нѣжностію. Джіованни, пораженный его молчаніемъ и швердностію, спѣшилъ удалиться. Герцогъ, по нѣсколькихъ судорогахъ, испустилъ послѣдній вздохъ на груди своей супруги.

„Въ тотъ же день рано по утру оба шрупа были тайно погребены въ часовнѣ Замка, а на другой день Гондецъ поѣхалъ на островъ Оронцу.“

Г Л А В А V.

„Въ ту ночь, когда Герцогъ кончилъ горестное свое существованіе, я споялъ у

двери зала по приказанію Гондеца, чтобы въ случаѣ нужды податьъ ему помощь. И такъ я былъ свидѣтелемъ плачевнаго сего приключенія и могу рассказать оное въ подробности. Я почувствовалъ ошъ него ужась, котораго никогда не могъ совершенно расъяснить и который сдѣлалъ мнѣ Джіованни ненавистнымъ. Однако я поѣхалъ съ нимъ, не зная, какую участь гонимъ онъ мнѣ и что со мною будетъ.

„Прибывши въ Оронцу, объявилъ онъ о себѣ и вступилъ спокойно въ должность подъ именемъ Гондеца. Я, не помышляя ни мало вступить въ монахи и наскучивши скоро сымъ пребываніемъ, просилъ его доставить мнѣ какое-нибудь занятіе, сообразное съ моими склонностями. Тогда послалъ онъ меня

въ Лондонъ къ Королю Баліолю, который, будучи поддерживаемъ Эдуардомъ, Королемъ Англинскимъ, готовился вмѣстѣ съ нимъ къ походу въ Шотландію, откуда былъ онъ прогнанъ Королемъ Робертомъ. Джіованни снабдилъ меня рекомендацельными письмами къ сему Гѣсударю. Я понравился ему и показался способнымъ къ исполненію его предпріяній. Онъ опредѣлилъ меня въ армію и черезъ нѣсколько времени поручилъ мнѣ тайную миссію къ Шотландскимъ своимъ паршизанамъ. Въ поже время долженъ я былъ наблюдать за движеніями Шотландской арміи и сообщать ему объ оныхъ; но судьба разспроила всѣ сіи предпріянія. Быстрые успѣхи Короля Роберта успрашили паршизановъ Баліоля; большая часть писемъ моихъ

были перехвачены, и я почувствовал себя счастливымъ, добравшись Англинской границы съ величайшею опасностію.

„По возвращеніи своемъ узналъ я о смерти Баліля. Оставшись безъ покровителя и наскучивъ новымъ ремесломъ, по опасностямъ, съ нимъ сопряженнымъ, возвратился я въ Оронцу къ Гондецу. Скука и бездѣйствіе внушили мнѣ намѣреніе пойти въ монахи. Обѣщанія Гондеца убѣдили меня. Я произнесъ обѣщаніе подъ именемъ опца Джона Думбара, принятымъ мною вмѣсто имени Доминика, которое носить было бы опасно. Съ тѣхъ поръ сдѣлался я повѣреннымъ Гондеца и черезъ него пользовался въ монастырѣ неограниченною властію.

„Когда я рассказалъ ему о происшедшемъ со мною въ Лондонѣ и Эдимбургѣ, то онъ объявилъ мнѣ, что, приспавъ къ сторонѣ Баліоля въ послѣднихъ смяшеніяхъ, онъ соединился тайно съ Англинскимъ Королемъ, копорый за то обѣщаль ему выхлопотать у Римскаго Двора Кардинальскую шапку. Онъ не скрылъ опъ меня намѣреній своихъ и надежды, и снова сдѣлалъ самыя лестныя обѣщанія. Надежда быспраго возвышенія и богатства восхитила меня и сдѣлала послушнѣе прежняго его волю.

„Онъ показаль мнѣ также молодую плѣнницу, содержащую имъ въ подземельяхъ монастыря и признался въ жестокострой къ ней спраспти; даже поручиль мнѣ на нѣсколькo времени сперечь ее, но ни-

когда не хопѣлъ сказать ни имени, ни средства, какъ онъ досталъ ее. Преданность моя къ сему извергу, ослѣпленіе необузданнаго честолюбія были такъ велики, что при видѣ сей несчастной я не сожалѣлъ объ ней, а напрошивъ того чувствовалъ шайное удовольствіе отъ гнусной своей должности.

„Черезъ нѣсколько времени послѣ того Король Робертъ Брюсъ и рыцари его искали убѣжища въ Оронцѣ. По жительствовавшему своему въ Шотландіи и инпригамъ, имѣлъ я случай видѣть ихъ тамъ много разъ. Я всѣхъ ихъ узналъ, кромѣ Губерта Авинца, который долго не былъ въ Шотландіи по молодости своей и плѣну въ Англіи. Я сообщилъ о своемъ открытіи Гондецу, который тотчасъ послалъ нарочнаго къ Англическому Мо-

нарху съ предложеніемъ выдать ему шѣхъ, копорые просили у него госпепрїимспва. Въ награду за измѣну Гондецъ пребоваль опъ Эдуарда Кардинальской шапки. Я же за сію важную услугу долженъ былъ получить его мѣсто, Настоятеля Аббатства Святаго Колумба.

„Войска, посланныя Англинскимъ Королемъ для захваченія Короля Роберта Брюса и его сопутниковъ, вышли на берегъ острова Оронцы въ ту самую ночь, какъ они ушли подъ предводительствомъ Губерта. Вѣспиво ихъ потчасъ было замѣчено, но не знали, какимъ образомъ исполнили они его. Гондецъ, разъяренный пошерее награды вѣроломспва, сдѣлалъ скорѣйшія и спрожайшія розысканія, и съ шѣхъ поръ, не знаю по чему, сталъ я пред-

мешомъ шайныхъ его подозрѣній.

„Хотя онъ обходился со мною съ великимъ прищворспвомъ, но я скоро примѣшль его охлажденіе. Тогда почувспвоваль я, какъ ошибся, полагаясь на благодарность шакого злодѣя, и въ какую попалъ сѣть. Потеряніе надежды подняло покрывало, накинущое на глаза мои чешполубіемъ; неблагодарность Гондеца совершенно разодрала его. Я ужаснулся своихъ прешупленій, ужаснулся самого себя, не смотря на дешповѣрную для себя спасность явнаго съ нимъ разрыва.

„Разспрошенный новыми сими чувспвами, я прибѣнулъ къ религіи. Я сблизился съ опцемъ Антоніемъ, котораго добродѣшель и почтенный видъ всегда вьушали мнѣ почпение. Я разсказаль ему у-

грызенія своей совѣсти, слушаль совѣты его; но религія говорила сердцу моему еще очень слабо.

„Наконецъ Гондецъ самъ успаль пришиворяшья предомною. Я былъ для него безполезнымъ сообщникомъ и даже опаснымъ повѣреннымъ. Присутствіе мое спало ему тягостно, и мщеніе его ожидало только случая, чшобы излившья.

„Въ одну ночь, какъ я провожалъ его въ подземелья и когда, употребивъ щепыныя прѣсьбы предъ молодою илѣницею, хотѣлъ онъ, презрѣвъ цѣломудріе, покуситшья на крайность, прибѣжалъ я на вопль жертвы и осмѣлился явно принять ея спору. Гнѣвъ соединился въ сердцѣ моемъ съ сожалѣніемъ. Я не щадилъ уже Гондеца и сильно упрекалъ его въ пре-

спупленіяхъ, осмѣлился даже угрожать. Съ сей минушы онъ рѣшился меня погубить. Въ слѣдующую ночь проснулся я въ ужасной темницѣ. Вѣроятно, что мнѣ дали какой-нибудь усыпительный напитокъ и что, пользуясь глубокимъ сномъ моимъ, перенесли меня въ подземелье, назначенное для меня гробомъ.

„Какъ изобразить положеніе мое, когда я проснулся! Сперва почивалъ я это сновидѣніемъ; но видъ моей темницы, тяжелыя цѣпи не оставили меня надолго въ неизвѣстности. Я узналъ Гондѣца по сему ужасному поступку, узналъ особливо по адской предосторожности, съ какою положили предъ глазами моими лицо въ такомъ отдаленіи, что я никакъ не могъ достать ее, не смогъ

на всѣ усилія. И такъ мученія голода, ужасы медленной смерти, были моею участью! При сей страшнѣйшей мысли я пришелъ въ отчаяніе; но скоро помощь бѣшенство овладѣло мною. Я попрыскалъ въ ярости цѣпью, билъ себя ею, проклиналъ Небо, Гондеца и самого себя. За сими движеніями послѣдовало мрачное и безчувственное уныніе. Тогда гореспныя размышленія перезали мою душу. Куда дѣвались блистательныя обѣщанія, льстившія моему честолюбію? Какой получилъ я плодъ отъ преступныхъ и пресупныхъ дѣяній, запятнавшихъ мою жизнь? Въ награду за низкое мое снисхожденіе къ подлому злодѣю оснавалась мнѣ страшная казнь, жестокая смерть и, къ довершенію горести, внутреннее убѣжденіе, что я заслужилъ ее!

Два дни прошли въ сихъ переходахъ опть бѣшенствя къ угрызеніямъ совѣсти и опчаянію. Каждую минушу по-ска и спрахъ мой увеличивались; но ослабѣвшая натура съ прудомъ выдерживала смутныи движенія моеи души. Смерть приближалась уже скорыми шагами и хотѣла взять свою жертву; но Богъ привелъ ко мнѣ великодушнаго Губерша Авинца.

„Я обязанъ жизни его человекѣлюбію. Теперь, какъ религія начинаеть мнѣ открывашъ глаза, чувствую лучше всю цѣну такогѣ благодаренія; вся кровь моя не можетъ за оное заплашишь. При исходѣ жизни, оканчивавшейся въ мученіяхъ, гнѣвъ Божій конечно ожидалъ меня, чшобы подвергнушь еще ужаснѣйшимъ мукамъ въ безконеч-

ной вѣчности. О естѣли бы я успѣлъ умилошавить Его раскаяніемъ и зарладить передъ людьми честнымъ и благочестивымъ поведеніемъ прошедшіе свои безпорядки и пресупленія!“

Такова исторія Джона Думбара, въ которой уничижили мы много безполезныхъ подробностей. Губерто, чиня ея, проливалъ горькія слезы о плачевной участи несчастныхъ своихъ родителей и чувствовалъ особливо живѣйшую горестъ, потерявъ слабую надежду сыскашь ихъ когда-нибудь. Отецъ Антоній, сожалѣніе котораго также возобновилось при семъ чшеніи, старался умиришь печаль своего юнаго друга и проливалъ вмѣстѣ съ нимъ слезы, испощая предъ нимъ нѣжнѣйшія утѣшенія.

Наконецъ разсудокъ и попеченія дружбы успокоили мало по малу первыя впечатлѣнія и перемѣнили ихъ въ пріятное и меланхолическое воспоминаніе, котораго время не могло послѣ того совершенно изгнать.

Но возвратимся къ Гондецу, котораго рука мщенія гонимъ въ Италію для достойнаго наказанія за его преступленія.

Г Л А В А VI.

Губерно съ товарищами своими и павнникомъ благополучно вышель на берега Ишаліи. Онъ пошчасъ перевезъ Гондеца въ Римъ подъ крѣпкимъ карауломъ и представиль письма Шотландскаго Короля святому Опцу и великому Инквизишору. Производство суда, начашое въ Эдимбургѣ, обвинительный актъ, сочиненный Джономъ Думбаромъ и подписанный Губерномъ Авинцомъ, Графомъ Озимо и Сирь Дональдомъ Фиць-Арраномъ опъ имени сестры его, были положены съ обыкновенными обрядами на столъ свяшаго судилища. Обвиненный былъ опданъ служителямъ сего суда и переведенъ въ шемницы Инквизиціи.

Слухъ о заключеніи Гондеца, не смотря на употребленную тайну, разпространился скоро въ Римѣ. Возвращеніе Графа Озимо, бывшій сына Гонзари, коего существованіе по сіе время было неизвѣстно, пробудили опять подозрѣнія и произвели всеобщее любопытство. Называли лично великихъ пресупниковъ и громко желали наказанія ихъ. И такъ процессъ сей получилъ гласность, которая должна была дѣлать его торжественнѣйшимъ. Хотя бы интриги и подкупы вздумали остановить дѣйствіе правосудія, однако было бы имъ очень трудно спасти пресупнаго Гондеца.

Но время перемѣнилось. Это былъ уже не шотъ Гондецъ, столь богатый, силь-

ный, сыплющій всюду золото и пребующій безстыдно въ Конклавѣ достоинства Кардинальскаго, и честолюбіе котораго ничѣмъ не могло насытиться. Это былъ Джіованни, лишенный богатства, покрытый пресупленіями, преслѣдуемый всеобщею ненавистью и обремененный оковами. Большая часть приверженцовъ его между членами Инквизиціи или померли, или были удалены; прочіе приведены въ робость всеобщимъ мнѣніемъ и были равнодушны къ его участи. Они спешили предать его строгости законовъ.

По прошествіи времени, нужнаго для предварительнаго разобранія дѣла, Инквизиторы собрались, и обвиняемый былъ представлень. Тишина ночи, которую сіе су-

дилище всегда предпочтительно избираетъ для своихъ занятій, мрачная завѣса, скрывающая судей и поднимающаяся только для произнесенія приговора преступнику, весь эпопѣй грозный снарядъ, усмращающій даже невинность, по видимому не произвелъ никакого впечатлѣнія надъ душою Гондеца. Одинъ изъ Инквизиторовъ прочелъ вслухъ обвинительный актъ и заключилъ его, объявивъ, что Гондець виновенъ

въ ереси, олицубійствѣ, смертоубійствѣ и отравленіи ядомъ.

Послѣднія сіи слова, произнесенныя суровымъ и грознымъ голосомъ, привели въ трепетъ обвиняемаго и были послѣдуемы глубокимъ молча-

ніемъ. Черезъ минушу другой голосъ вызвалъ его къ опвѣ-
сту слѣдующими словами:

„Гондецъ! признайся въ
своихъ пресупленіяхъ, или
докажи свою невинность.“

При сихъ словахъ онъ
всталъ, призвалъ на помощь
всю свою рѣшительность, и
опвѣчалъ съ швердостію:

— Я не дѣлалъ пресупле-
неній, въ которыхъ меня об-
виняють. —

„Опвѣчай особо на каж-
дое обвиненіе, продолжалъ
тотъ же голосъ.“

„Ты ерешикъ?“

— Нѣтъ, я всегда почи-
талъ вѣру и сохранялъ ея
правила, опвѣчалъ Гондецъ. —

„Ты ошцеубійца?“

— Я ничего не сдѣлалъ, чтобъ заслужить ненавистное сіе названіе. —

„Ты смертоубійца?“

— Руки мои никогда не проливали крови мнѣ подобныхъ. —

„Ты оправлялъ ядомъ?“

— Никогда не было у меня и на умѣ сего пресупленія. —

За симъ послѣдовало молчаніе, послѣ чего великій Инквизиторъ, обращаясь къ обвиняемому, сказалъ слѣдующее :

„Непоспѣжимы пущи небесныя; правосудіа Божія не лзя избѣвуть, но милосердіе Его безпредѣльно.“

„Слѣдую великимъ правиламъ Христіанскаго и оживляемое духомъ милосердія, судилище легко прощаетъ заблужденія, ежели принесутъ истинносердечное въ нихъ раскаяніе. И такъ скажите опроверженно, Гондецъ, виновныхъ вы, или нѣтъ въ преступленіяхъ, вамъ приписываемыхъ? Скажите истинну; ибо судилище сіе, озаряемое мудростію, прочтешъ во глубинѣ сердца вашего; но искреннее и добровольное признаніе есть вѣрное средство заслужить его снисхожденіе и соспраданіе.“

— Я отвѣчалъ на каждое обвиненіе какъ должно, возразилъ Гондецъ съ болѣею твердостію, нежели прежде. —

Великій Инквизиторъ еще два раза требовалъ отъ него

справедливаго опвѣща, и два
раза опвѣчалъ онъ ему по жѣ:

Тогда раздался звукъ цѣ-
пей. Толпа служителей суди-
лица вошла во внутрен-
ность зала, всѣ одѣтые въ
черное платье, въ красныхъ
маскахъ отвращивельнаго ви-
да. Одни изъ нихъ были во-
оружены пылающими факел-
лами, другіе тащили за со-
бою разныя орудія къ пынкѣ.

„Въ послѣдній разъ, Гон-
децъ, продолжалъ великій Ин-
квизииторъ, повинись въ сво-
ихъ пресупленіяхъ!“

Монахъ, потрясенный
при видѣ ужасныхъ мимо его
пронесенныхъ сварядовъ, нѣ-
сколько минутъ не опвѣчалъ,
наконецъ, обративши всю
швердость, вскричалъ:

— Клянусь всѣмъ, что
есть святаго, что я невин-
ювень! —

„Гондецъ! сказалъ Ин-
квизишоръ: какъ могъ ты
произнести такое ужасное
богохульство? Можешь ли
ушверждать свою невинность,
когда все доказываетъ, что
ты пресупникъ?“

— Гдѣ эти доказатель-
ства? возразилъ Гондецъ съ
дерзостію: гдѣ свидѣтели?
Кто смѣетъ обвинять меня? —

„А!“ отвѣчалъ грозный
голосъ, раздавшійся въ залѣ
подобно громовому удару.

Обвиняемый запрепепалъ,
внезапная блѣдность покры-
ла лице его; но онъ скоро
оправился и принялъ опять
дерзскій видъ.

„А!“ говорю тебѣ, Гондецъ, продолжалъ голосъ съ ужаснымъ удареніемъ: „готовься отвѣчать мнѣ.“

Топчасъ занавѣсъ, скрывавшій судей, поднялся. Судилище открылось въ величественномъ видѣ; факелы погасли, и глубочайшее молчаніе царствовало въ залѣ. Судьи, присутствующіе, самый обвиняемый, не могшій уже скрыть своего ужаса, всѣ пребывали неподвижны въ ожиданіи чего-нибудь чрезвычайнаго.

Двери вдругъ отворились съ прескомъ, раздакъ великій шумъ, и черезъ нѣсколько минутъ привидѣніе въ бѣломъ одѣяніи бросилось въ залъ съ лампадою въ рукѣ.

„Гондецъ! вскричало спрашивающее, ставши передъ об-

винлемымъ и поднимая въверху свою лампаду: „знаешь ли ты меня?“

Монахъ съ блуждающимъ взоромъ и полууниверсальнымъ ртомъ смотрѣлъ съ минушою на спрашивающаго и обильный ужасомъ упалъ на спухъ.

„Говори же!“ продолжало спрашивающаго грознымъ голосомъ: „узнаешь ли ты меня?“

— Да! сказала монахъ задыхающимся голосомъ, отвращая опъ него съ ужасомъ голову: да, да, знаю! Но зачѣмъ пришелъ ты изъ царства мертвыхъ мучить меня снова ненавистнымъ видомъ твоимъ? Что привело тебя сюда? —

„Небо, справедливое Небо, утомленное пресупле-

нѣми твоими! Поповься, Гондеецъ! часъ мщенія насталъ.“

— Ради Бога, оставь меня. Чего ты хочешь? —

„Обвиняешь меня! Смѣешь ли ты опринушь мое свидѣтельство?“

— Нѣтъ, нѣтъ! . . . .
Успокойся, сжался надъ моею участью. —

„Ты ни къ кому не имѣлъ сожалѣнія!“

— Такъ чегожь ты хочешь? —

„Признайся въ твоихъ преступленіяхъ.“

— Признанія въ моихъ преступленіяхъ? —

„Да!“

— Никогда! —

При сихъ словахъ монахъ, неспособный къ дальнѣйшимъ усиленіямъ, упалъ безъ чувствъ къ ногамъ привидѣнія. Ужасъ, изображавшійся на лицѣ его, показывалъ чрезвычайное волненіе души; холодный потъ капалъ со лба его, и все тѣло судорожно дрожало.

Присутствующіе находились въ смятеніи, и самые судьи, вставши съ своихъ мѣстъ безмолвно, смотрѣли на ужасное сіе зрѣлище и, казалось, не знали, что имъ дѣлать.

Неподвижное спрашилище смотрѣло спокойно на разпростершаго у ногъ его монаха.

Мало по малу онъ пришелъ въ чувство; но глаза его все были закрыты, и онъ часто вздыхалъ.

„Пытайте его,“ сказалъ одинъ изъ судей.

Топчасъ схватили Гондеца и понащили въ сосѣдній залъ, и не смотря на крики и сопротивленіе, разложили на одной изъ машинъ, назначенныхъ для казни.

„Гондецъ!“ вскричало спрашиванце, слѣдовавшее за нимъ въ другую залу: „Гондецъ! признайся въ своихъ преступленіяхъ.“

— Какъ, опять ты! Не уже ли адъ извергнулъ тебя для увеличенія мученій моихъ? —

„Адъ ждетъ тебя, Гондецъ! онъ послалъ меня за своею жертвою.“

— Боже! чѣмъ же заслужилъ я такія жестокия муки?—

„Что ты, сдѣлалъ! Чья рука дала ядъ Маркизу Авварони?“

— Пересыпай меня му-
чишь; поди прочь съ глазъ
моихъ! —

„Не ты ли оправиль
Кардинала Гонзари, соб-
ственнаго своего опца?“

— Прокляшь поць день,
когда онъ далъ мнѣ жизнь! —

„Не ты ли похищиль Ро-
занну Валенцу? Не ты ли
умориль ее, содераа долго въ
заключеніи, въ надеждѣ удо-
влетворить безчестнымъ
твоимъ желаніямъ?“

— За чѣмъ не поглотила
меня могила, такъ какъ ее!—

„Не погубиль ли ты,
послѣ многихъ мученій, не-
щаснаго супруга ея, Герцо-
га Гонзари?“

— Смерть по крайней
мѣрѣ прекращила его муче-
нія! —

„А Ронильда! чего не вытерпѣла она, протривясь гнусной твоей спраши?“

— О жестокія воспомина-
нанія! о ужасныя терзанія!
о муки, въ тысячу разъ алѣй-
шія адскихъ! —

На всѣ вопросы приви-
дѣнія, сдѣланныя спраш-
нымъ и грознымъ голосомъ,
монахъ, мучимый угрызениями
совѣсти, оледенѣвъ отъ ужа-
са и побуждаемый муками
пытки, отвѣчалъ жалобными
криками, или ревомъ бѣшен-
ства и опчаянія.

Между тѣмъ ожесточен-
ные палачи усугубили дѣ-
ятельность и всячески тер-
зали плѣло его, уменьшая му-
ки его, когда видѣли, что
онъ теряетъ память и силы.

— Постойте! вскричалъ онъ наконецъ умирающимъ голосомъ, побѣжденъ будучи мученіями и ослабѣвъ отъ спраданій: постойте! я вижу очень, что гнѣвъ Божій низринулся на главу мою, и что самый адъ подвигся на меня; я не могу избѣжать казни. И такъ соглашаюсь признаться въ своихъ преступленіяхъ. —

— А ты, исполнишель небеснаго мщенія! присовокупилъ онъ, обращаясь къ спрацилицу: возвратись въ мрачную бездну и по крайней мѣрѣ не мучь меня въ сіи ужасныя минуты. —

При сихъ словахъ спрацилице удаллось; палачи развязали полумертваго монаха и отнесли его въ первый задъ. Тамъ оказали ему

помощь, и чрезъ нѣскольکو времени, собравшись съ силами, повнимся онъ передъ судьями въ своихъ преступленіяхъ.

Чишпашель знаетъ изъ сей исторіи преступленія Гондеца; мы не станемъ бесполезно повторять ихъ, но выберемъ мѣста, служація въ объясненію разныхъ обстоятельствъ, ко тор ы х ъ причины и подробности до сихъ поръ неизвѣстны.

Въ ту ночь, какъ Губерто нашель Гондеца разпростершаго безъ чувствъ въ галлерейхъ Аббашива и взялъ у него ключи отъ подземельевъ, монахъ холпѣль отправилъ послѣднія свои сокровища и увезши съ собою молодую Ронильду, въ которую все еще былъ страшно

влюбленъ. Безпокойство, въ которое повергаль его страхъ каждую минуту быть арестованнымъ, послѣши снѣ его опрѣзда, необходимости скрывать его до послѣдней минуты не дали ему времени обдумать хорошенько свое предпріятіе. Единственными средствами къ исполненію онаго показались ему ужасъ и наслія. Онъ вздумаль воспользоваться ночнымъ появленіемъ рыцаря краснаго оружія, которое должно было случиться въ самую сію ночь, и почель его удобнымъ къ исполненію своихъ намѣреній. Дабы устрашить еще болѣе жителямъ монастыря и предупредить всякое сопротивленіе съ ихъ стороны, поручаль онъ двумъ преданнымъ ему монахамъ бѣжать по галдерямъ и внутренности мо-

наспыра, испуская крики и
 вопрекая пылающими факелами.
 Между темъ Джонъ
 Думбаръ, который, какъ ска-
 зано уже нами, дожидался
 Гондеца на дорогѣ для устра-
 шенія его нечаяннымъ сво-
 имъ появленіемъ; нашелъ въ
 погребальныхъ позахъ
 широкій саванъ и надѣлъ его на
 себя для большаго устраше-
 нія: Коль скоро услышалъ онъ
 идущаго Гондеца, то пошелъ
 на встрѣчу ему. Въ то же
 время мнимыя привидѣнія,
 сопровождавшія Гондеца;
 приближались къ нему съ
 ужаснымъ воплемъ. Чрезвы-
 чайное сіе зрѣлище сперва
 ошановило его; но, увидѣвъ
 за ними Настоятеля шедша-
 го, онъ возымѣлъ подозрѣніе;
 что это хитрость, и смѣло
 шелъ напрошивъ ихъ. Мо-
 нахи, пораженные при видѣ

его суевѣрнымъ ужасомъ, бросили факелы и съ ужаснымъ крикомъ побѣжали назадъ. Гондецъ, устращенный неожиданнымъ симъ явленіемъ, оледенѣль, узнавши Джона Думбара, котораго почиталъ навѣрно погибшимъ съ голоду. Спрашивъ и грозный его гласъ совершенно парализовалъ его. Онъ выронилъ изъ рукъ кинжалъ и лампаду и упалъ въ обморокъ.

Въ сіи минуты услышалъ онъ шукъ у монастырскихъ воротъ. Это были Шотландскіе солдаты, хопѣвшіе вломиться силою. Джонъ Думбаръ побѣжалъ оппереть имъ и выдалъ связаннаго на скорую руку Гондеца. Потомъ сошелъ онъ съ сильнымъ опрядомъ въ подземелья для освобожденія заключенныхъ; но

Губерто предупредилъ уже его.

Безполезно увѣдомляешь Чипашеля, что привидѣніемъ, которое устрашило внезапно своимъ появленіемъ посреди ужаснаго судилища Гондеца и все собраніе, былъ онъ Джонъ Думбаръ, уполномоченный папою великимъ Инквизиторомъ играть сію роль, чтобы привести въ робость преслупника и изторгнуть у него признаніе въ злодѣяніяхъ.

По выслушаніи признаній Гондеца и по очной ставкѣ, убѣдившей его въ дѣйствительномъ и чудесномъ существованіи Джона Думбара и отца Антонія, произнесли приговоръ. Гондецъ осужденъ на сожженіе; но,

уваженія къ духовному его званію и должности члена Инквизиціи, приговоръ исполненъ въ темницѣ только въ присутствіи судей, служителей судилища и участвовавшихъ въ семь дѣлъ:

Изъ уваженія къ численно-сердечному раскаянію Джона думбара и важнымъ открытіямъ, которыя сообщилъ онъ судилищу, судьи приговорили его провести остатокъ дней въ монастырѣ черныхъ кающихся въ Римѣ, куда онъ поспѣшь вошелъ, просившійся съ Губерномъ и оцемъ Антоніемъ:

Другимъ опредѣленіемъ того же суда призвана сестра Маргарита, монахиня де ла Пиешекаго монастыря, нахо-

дившаяся еще въ живыхъ, для утвержденія князвю рожденія Губерца Авинца. По показаніямъ сей монахини и другимъ неоспоримымъ свидѣльствамъ Губерцо Авинцо признанъ единственнымъ законнымъ наследникомъ Герцога Гонзари, сына его, и Маркиза Алваризи, котораго дочь, Герцогиня Розанна Валенца, была матерью Губерца, въ слѣдствіе чего повеждено было ввести Губерца Авинца во владѣніе безчи-сленнаго имуществва сихъ двухъ фамилій.

Свяшый Отець, изъ уваженія къ добродѣтелямъ Графа Озимо, высокои его породы и продолжительныхъ спрданій, сдѣлалъ его Настоятелемъ Аббатства Свяшаго Колумба. И такъ сему по-

чпенному спарцу поручено было исправитиь монаховъ и возстановитиь въ семь монашырѣ порядокъ.

Коль скоро было можно Губерну, повхаль онъ съ Графомъ Озимо въ Замокъ, гдѣ находились оспалки любезныхъ и несчастныхъ родителей его. Онъ вырыль ихъ и похоронилъ съ великою честью въ церкви Таренскаго Замка, древнемъ кладбищѣ своихъ предковъ.

Такъ какъ ничто не удърживало его болѣе въ Италіи, то онъ отправился онъ въ Шоплавдію съ Графомъ Озимо, Сирь Донъ льдомъ Фиць-Арраномъ и многочисленною свитною. По прибытіи своемъ въ Эдимбургъ, явился онъ къ Королю и донесъ обо всемъ

произшедшемъ въ Гикѣ. Сей Государь изъявилъ великую радость, увидя его. Онъ публично поздравилъ его Герцогомъ передъ всѣмъ Дворомъ. Приемъ, сдѣланный Графу Озимо въ качествѣ Аббата Святаго Колумба, былъ не менѣе лестень.

Король самъ хотѣлъ вручить Губерту Ронильду, которую хранилъ онъ съ нѣжностью отца. Любовники увидѣлись другъ съ другомъ и увѣрились, что разлука ни мало не уменьшила взаимной ихъ любви.

До соединенія ихъ Король хотѣлъ, чтобы Губерто вступилъ во владѣнїе имѣнїя Сиря Аллана Макдональда, по завѣщанїю достойнаго сего рыцаря и супруги его, Лади Мак-

дональдъ, въ пользу преемника ихъ, въ слѣдствіе чего введень онъ былъ во владѣніе онаго съ обыкновенными обрядами, и Король вручилъ ему, по Шотландскому обыкновению, докуменшы, укрѣпляющіе за нимъ оное.

Фортуна, преслѣдовавшая такъ долго Авинца, казалась, хотѣла осыпашъ его своими дарами. Графъ Озимо, не имѣвшій наслѣдниковъ по прямой линіи и, не смотря на просьбы Губерша, принявшій намѣреніе провести остатокъ дней своихъ въ монастырѣ Святаго Колумба, укрѣпилъ Таренскія свои помѣстья за молодымъ Герцогомъ Гонзари, котораго съ самаго малолѣтства почишалъ всегда за роднаго сына.

Наконецъ насталь столь желанный день, въ который

Губерто долженъ былъ предъ олтаремъ принять клятву Ронильды. Утромъ того дня всѣ вельможи събрались въ придворную церковь, украшенную весьма великолѣпно для сей церемоніи. Попомъ прибылъ туда Король съ Герцогомъ Гонзари, Сирь Дональдомъ Фиць-Арраномъ и Ронильдою, красота которой возбуждала всеобщее удивленіе. Герцогъ принялъ супругу свою изъ рукъ Короля Роберта Брюса и Сирь Дональда Фиць-Аррана. Графъ Озимъ, исправлявшій сію церемонію въ качествѣ Аббата Святаго Колумба, далъ молодой четѣ брачное благословеніе.

Въ сію щасливую минуту Губерто думалъ, что пѣни родителей его парящъ по

воздуху на лучезарномъ облакѣ; удовольствіе сіяло на лицѣ ихъ, и они, казалось, съ нѣжностію улыбались, взирая на него.

„Миръ вамъ! сказалъ Авинцо, наклонясь почтительно и взявъ супругу свою за руку: миръ вамъ, любезныя пѣни, принимающія участіе въ моемъ благополучіи; благословите дѣшею вашихъ, призрите съ высоты небесъ на милую Ронивьду и на щастливаго Губерта Авинца.“

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ
Части.

